

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН

КАРШИНСКИЙ ГОСУНИВЕРСИТЕТ

ФАКУЛЬТЕТ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ

РЕФЕРАТ

На тему: **«МОЙ ЛЮБИМЫЙ РУССКИЙ ПИСАТЕЛЬ»**

Выполнила: студентка группы Ф-11
НОМОЗОВА МАРГУБА

Приняла: Пардаева Д.Р.

Карши - 2013

План

1. В.Г.Распутин – мой любимый русский писатель
2. От журналистики к художественной литературе
3. Повесть «Деньги для Марии»
4. Художественное мастерство писателя

В.Г.Распутин – мой любимый русский писатель

Валентин Григорьевич Распутин – один из замечательных современных писателей, уделявший основное внимание проблемам нравственности. Книги его заставляют глубоко задумываться о духовных потребностях русских людей и потому являются моими настольными книгами. Я очень люблю этого писателя, заявившего о себе в литературе такими повестями и романами, как «Деньги для Марии», «Последний срок», «Живи и помни», «Прощание с Матерой», «Пожар».

Родился Валентин Распутин 15 марта 1937 года в Иркутской области, в поселке Усть-Уда, расположенном на берегу Ангары, в трехстах километрах от Иркутска. И рос в этих же местах, в приютившейся неподалёку (по сибирским меркам), всего в полусотне километров от Усть-Уды, деревне с красивым, напевным именем Аталанка. Этого названия мы не увидим в произведениях писателя, но именно она, Аталанка, явится нам и в "Прощании с Матёрой", и в "Последнем сроке", и в повести "Живи и помни", где отдаленно, но явно угадывается созвучие: Атановка. Природа, ставшая близкой в детстве, оживет и заговорит неповторимым своим языком в книгах. Конкретные люди станут литературными героями. Поистине, как говорил В. Гюго, "начала, заложенные в детстве человека, похожи на вырезанные на коре молодого дерева буквы, растущие, развертывающиеся с ним, составляющие неотъемлемую часть его". А начала эти, применительно к Валентину Распутину, немислимы без влияния самой Сибири - тайги, Ангары ("Я верю, что и в моем писательском деле она сыграла не последнюю роль: когда-то в неотмеченную минуту вышел я к Ангаре и обомлел - и от вошедшей в меня красоты обомлел, а также от явившегося из нее сознательного и материального чувства Родины"); без родной деревни, частью которой он был и которая впервые заставила задуматься о взаимоотношениях между людьми; без чистого, незамутненного народного языка. В большом автобиографическом очерке одной поездки

"Вниз и вверх по течению", опубликованном в 1972 году (по сути, самостоятельной повести), Распутин опишет свое детство, большое внимание уделяя именно природе, общению с односельчанами - тому, что считает определяющим при формировании души ребенка и его характера. Сознательное детство его, тот самый "дошкольный и школьный период", который дает человеку для жизни едва ли не больше, чем все оставшиеся затем годы и десятилетия, частично совпал с войной: в первый класс Аталанской начальной школы будущий писатель пришел в 1944 году. И хотя здесь не гремели бои, жизнь, как и везде в те годы, была трудной, временами полуголодной. "Для нашего поколения был очень труден хлеб детства", - отметит спустя десятилетия писатель. Но о тех же годах он скажет и более важное, обобщающее, что найдет затем отражение в его творчестве: "Это было время крайнего проявления людской общности, когда люди против больших и малых бед держались вместе". Здесь же, в Аталанке, научившись читать, Распутин навсегда полюбил книгу. Чтение для него не было просто удовольствием, не требующим умственных усилий, или развлечением, - оно было и осталось работой над собою, и работой немалой. Читать для него - не значит просто пробежать глазами страницы, улавливая сюжетную канву, и уметь читать - не значит из букв уметь составлять слова. По его убеждению, "читатель сам должен участвовать в событиях, иметь к ним свое отношение и даже место в них, чувствовать прилив крови от уважения. Культура чтения тоже существует, но не все ею владеют".

Для него самого любимыми остались по сей день Толстой, Достоевский, Бунин, Лесков, Тютчев, Фет... И вообще - хорошая, умная книга: у Распутина богатая библиотека, которую он собирает многие годы. Годы учебы в университете проявили, оттенили его большую любовь к родной деревне, к тайге, к Ангаре, тем местам, и вообще к природе, где прошло раннее детство. Казалось бы, так ли уж много они значат, эти четыре сотни километров от Иркутска до Аталанки? Но, как читаем в очерке "Вниз и вверх по течению", студентом он часто в навигацию добирался на пароходе домой, чтоб душа подышала вольно, отдохнула от суеты, набралась сил, "и эти поездки всякий раз были для него праздником, о котором он начинал мечтать еще с зимы и к которому готовился со всей возможной тщательностью: копил деньги, выкраивая рубли из тощенькой стипендии, нарочно оставлял нечитанной самую лучшую, по слухам среди своего брата студента, книгу, подправлял как мог свою амуницию".

От журналистики к художественной литературе

Первый рассказ, написанный Валентином Распутиным, назывался "Я забыл спросить у Лешки...". Он был опубликован в 1961 году в альманахе "Ангара" и затем несколько раз перепечатывался (с него же, кстати, начинается и книга "Человек с этого света"). Газетные жанры, требующие опоры на точный факт и почти не допускающие домысла, фантазии, художественных обобщений, переставали удовлетворять Распутина. Ему хотелось большей свободы самовыражения. А ее могла дать только художественная литература, не журналистика. "Я забыл спросить у Лешки..." тоже начинался как очерк после одной из очередных поездок Распутина в леспромхоз. Но, как мы узнаем затем от самого писателя, "очерк не получился - получился рассказ. О чем? Об искренности человеческих чувств и красоте души". Иначе, наверное, и не могло быть - ведь речь шла о жизни и смерти. На лесоповале упавшая сосна случайно задела парнишку, Лешку. Поначалу ушиб казался незначительным, но вскоре возникла боль, ушибленное место - живот - почернело. Двое друзей решили сопровождать Лешку до больницы - полсотни километров пешком. В пути ему стало хуже, он бредил, и друзья видели, что это уже не шутки, им стало не до отвлеченных разговоров о коммунизме, которые вели они до этого, ибо они поняли, глядя на муки товарища, что "это игра в прятки со смертью, когда ищет смерть и нет ни одного надежного места, куда можно было бы спрятаться. Вернее, такое место есть - это больница, но до нее далеко, еще очень далеко". Лешка умер на руках у друзей. Трагедия. Потрясение. Вопиющая несправедливость. И в рассказе, пусть еще и в зачаточном состоянии, присутствует то, что станет затем неотъемлемым во всех произведениях Распутина: природа, чутко реагирующая на происходящее в душе героя ("Рядом всхлипывала река. Луна, вытаращив свой единственный глаз, не отводила от нас взгляда. Слезливо мигали звезды"); мучительные раздумья о справедливости, памяти, судьбе ("Я неожиданно вспомнил о том, что еще забыл спросить Лешку, будут ли знать при коммунизме о тех, чьи имена не вписаны на зданиях заводов и электростанций, кто так навсегда и остался незаметным. Мне во что бы то ни стало захотелось узнать, вспомнят ли при коммунизме о Лешке, который жил на свете немногим больше семнадцати лет и строил его всего два с половиной месяца"). По трем первым книгам явно виден переход Валентина Распутина от журналистики к художественной литературе. На смену восторгу всепокоряющим могуществом человека в "Костровых новых городов" приходит более глубокий психологизм "Края возле самого неба", который усиленно развивается затем в "Человеке с этого света", особенно в рассказах "Мама куда-то ушла", "Василий и Василиса". Не просто край в Саянах по имени Тофалария предстает перед нами в своей неповторимой красоте, не только его легенды и

сказания оживают в рассказах, но появляются люди со своим загадочным, хотя и простым с виду внутренним миром - люди, которые *собеседуют* с читателем, не оставляя его равнодушным к своей судьбе, мечтам, жизни. Глубже становится тема единства человека и природы ("От солнца до солнца"). "Василий и Василиса", рассказ, от которого потянулась прочная и явная нить к будущим повестям. Рассказ этот впервые появился в еженедельнике "Литературная Россия" в самом начале 1967 года и с тех пор неоднократно перепечатывался в книгах. В нем как в капле воды собралось то, что не повторится в точности потом, но с чем мы тем не менее не раз еще встретимся в книгах Валентина Распутина: природа, чутко прислушивающаяся к переменам в человеке. Природа у него — не цепь картин, не материал для метафор, — писатель натурально сжит с нею, пропитан ею как часть её. Он - не описывает природу, а говорит её голосом, передаёт её нутряно, тому множество примеров. Драгоценное качество, особенно для нас, всё более теряющих живительную связь с природой. С рассказа "Василий и Василиса" начинается новый период в творчестве Валентина Распутина, который к этому времени уже перешел на профессиональную литературную работу. Он стал самостоятельным писателем, прозаиком - со своим стилем, своим взглядом на мир, своей эстетической концепцией, которую в дальнейшем будет активно утверждать. А летом того же, 1967 года в печати появляется повесть "Деньги для Марии", сразу привлекая к тридцатилетнему автору пристальное внимание критики и принеся ему всесоюзную славу.

Повесть «Деньги для Марии»

Повесть "Деньги для Марии" впервые была опубликована в 1967 году в альманахе "Ангара". Сразу же, через месяц, она появилась и в журнале "Сибирские огни", а в следующем году вышла отдельной книгой в столичном издательстве "Молодая гвардия". Есть произведения, удерживающие внимание лишь движением сюжета - интригой, быстрой и частой переменой ситуаций, динамизмом действия. Повести Распутина иные. Основное в них - движение души, ее самостоятельная жизнь. Он передает нам состояние и движение души главных героев через состояние и настроение природы. И настолько движение мощно, настолько жизнь драматична, что затем уже невозможно выйти из этого потока, как невозможно бывает отказать в *именно* к тебе обращенной просьбе, не заметить *именно* на тебя направленный взгляд.

Да, здесь природа, ее состояние, как это и всегда бывает в повестях Распутина, не только оттеняет движение души героя, но и продолжает его, словно выводя за пределы самого человека и распространяя на весь окружающий мир, который не может быть покойным, если значительнейшая часть его - человек - в смуте, надломе, дискомфорте. Однако, в отличие от других повестей, в "Деньгах для Марии" Распутин выводит такие явления природы, как ветер и снег, из пейзажного ряда, ставит их в ряд героев, - особенно ветер, который на протяжении всего произведения выполняет значительно более важную функцию, нежели только подтверждение беспокойного, нервного состояния Кузьмы и Марии: он не зря безумствует именно в момент расставания супругов, перед отъездом Кузьмы в город, да так безумствует, что "бьется на ветру и стонет земля". Это - символ надчеловеческого протеста, ибо недолгая предстоящая разлука не является только лишением Марии самой надежной, необходимой, да и, в сущности, единственной для нее опоры, но и заключает в себе драму куда более глубокую, не могущую не вызвать этого протеста: отъезд Кузьмы стал последней точкой в трехдневном периоде *разуверения* в людской общности, и ветру предстоит теперь слишком многое смести с плодородной ранее почвы душ героев.

У Марии, продавщицы единственного на всю деревню магазина, ревизор обнаружил недостачу, и немалую, - в тысячу рублей. Надо срочно, в течение пяти дней, вернуть их в кассу, иначе Марии не миновать тюрьмы. В доме таких денег отродясь не было, и муж Марии, тракторист Кузьма, решает собрать эту тысячу, как говорится, с миру по нитке, взять в долг у кого только можно.

Повесть начинается с того, что Кузьме снится сон: он едет по деревне на машине и собирает деньги. "Ему выносят деньги, и машина едет дальше, опять в полной темноте. Но как только на ее пути попадается дом, в котором есть деньги, срабатывает какое-то неизвестное ему устройство, и фары загораются. Он снова стучит в окно, и снова его спрашивают:

- Что вам надо?
- Деньги для Марии.
Он просыпается во второй раз".

Столько раз Кузьма думал об этом наяву, что мозг уже и во сне не в состоянии вырваться из плена давящей мысли, на время затмившей и омрачившей все иные. Он обошел всю деревню, но нужной суммы так и не набрал, хотя знал, что в деревне она есть, точно есть. Но копейки не дают - силой не возьмешь, да и не таков Кузьма, чтоб силой брать. И вот появилась во сне эта машина, как бунт воспаленного мозга, как *детектор* совести и одновременно нечто, совершающее *надзор* за неукоснительным исполнением

нравственного закона: у тебя есть возможность помочь другому, и ты обязан воспользоваться этой возможностью, иначе ты предашь себя. Действие повести ограничено всего пятью днями. Но каждый из них намного, на годы длиннее, нежели в обычном течении времени: в них словно спрессовано неведомое нам еще будущее, и из них же, из этих пяти дней, тянется шлейф прошлого. Когда видишь, как Мариины "ребятишки, все четверо, выстроились возле русской печи строго по порядку - один на голову ниже другого", как они, "не отрываясь друг от друга, будто связанные, тычутся в углы", словно заранее уже боясь расстаться, - не задумываешься о том, прошлое *они* или будущее, - они не виноваты, они, скорее, наоборот - воплощенный лик вины, который должен был бы преследовать тех, кто дал ему воплотиться. Но и Мария тоже не виновата. Не только потому, что денег она не брала и что неопытна в торговом деле, но и потому в первую очередь, что случившееся произошло не просто с *позволения*, но и, если разобраться, по вине всей деревни. Ведь все же знали, что "магазин был как проклятый - уже сколько народу пострадало из-за него!" - и сразу после войны, когда продавщице Марусе "дали пять лет, ребятишек ее отправили в детдом, и что со всеми с ними случилось, больше в деревне не слышали"; и потом, когда с трудом едва выкрутился одорукий Федор - но у него обнаружили остатки, а не недостачу; и молоденькая Роза, получившая три года... Знали, но просили Марию стать за прилавок, потому что измаялись; после Розы никто не хотел "план на тюрьму выполнять", магазин был закрыт, и "лаже за солью, за спичками приходилось ехать за двадцать верст в Александровское", теряя день, а то и два. Просили, зная, что Мария *совестлива* - не откажет. И она не отказала, более того, сделала магазинчик своего рода бытово-событийным центром деревни - и "бабы собирались даже тогда, когда им ничего не надо было покупать", и "мужики зимой перед работой заходили сюда курить..."

Значит, те, кто отказывался помочь попавшей в беду Марии, и от себя в чем-то *отказывались*, добровольно решаясь стать навсегда не такими, как были: ведь деньги приходят и уходят, а подобные ситуации, когда и от тебя зависит судьба человека, не забываются и задним числом не поправляются. Какой ты, человек? - спрашивает Распутин. - И что с тобою случилось, коли стыд перед собою самим стал для тебя ничего не значащим? Каковы вы, люди, если сильные, здоровые, не бедствующие, не голодные не хотите все вместе помочь одному страдающему? Почему обкрадываете себя, лишая возможности еще раз убедиться в том, насколько вы сильны вместе, когда беда перед вашим единством отступит? И кто знает, от чего больше страдает Мария - от конкретной ли, имеющей цифровое обозначение недостачи, или же от того, что отравило ее душу: от впервые почувствованного неверия в людей, в добро, в ответную элементарную

совестливость? Одно дело, когда она, только узнав о подсчетах ревизора, "плакала, жалея и проклиная себя, и, плача, хотела себе смерти", - это была естественная реакция, вызванная потрясением, естественный эмоциональный срыв, когда надо сбросить опасное напряжение. И совсем иное - когда она направилась за помощью к давней подруге Клаве, но вместо помощи услышала лишь оплакивания, как будто ее, Марии, уж и нет, как будто судьба ее решена и осталось только смириться с этим нелепым решением; когда Надя Воронцова, вместо которой Мария и пошла-то в этот магазин, стала, не выказав даже сочувствия, ругать ее... Именно после этого "больше она не верила, что у Кузьмы что-нибудь выйдет с деньгами".

Кузьма, сам не умеющий отказывать и сам нравственно светлый, так же по-доброму думает и о других, веря в понимание, которое не нуждается в словах: он "даже в мыслях не осмеливался просить у них деньги. Он представлял себе свой обход так: он заходит и молчит. Уже одно то, что он пришел, должно было сказать людям все". Но Кузьма оказался слишком светлым для уже сереющего мира; даже этот луч, более сильный и настойчивый, нежели Мариин, устал пробивать непредвиденный, невесть когда спустившийся туман. И тогда все стало безразлично. Произошло это скорее даже не от неверия в успех, а от невысказанной, неосознанной обиды, в которой он и сам-то себе не хотел признаваться, словно боясь разочарованием в людях обидеть и их. Не доводилось ему ранее так немилосердно, до отвращения, насилловать себя, испытывать столько унижений. Потому и устала его душа, и показалось Кузьме, "что он остался один на всем белом свете - он даже подумал: не на белом, а на черном, будто белого света уже не существовало". Потому и в избе их, в доме, в этом гармоничном дотолем микрокосме, стало "тихо и боязно". Словно весь мир, удрученный и пришибленный происходящим - мир и внутренний и внешний, - замолк не столько в ожидании ответа на вопрос "Что будет?", сколько в недоумении - как такое *может* быть? И даже ветер, постоянно сопутствующий Кузьме, воспринимается не как живое движение природы, а как символ чего-то разметающего, развевающего, рассеивающего былые представления и веры, надежды, связи. Дома "километров двадцать подрядно и то же: ветер, ветер, ветер - ветер в лесу, ветер в поле, ветер в деревне"; у железнодорожного вокзала - тот же ветер, "который как начал дуть от дома, так и не переставал"; Кузьме даже кажется, что и пассажиры по перрону не просто мечутся, а "кружит их ветер". Хотя "ветер не может иметь никакого отношения ни к истории с Марией, ни к поездке в город, он дует сам по себе, как дул, наверное, и в прошлом и в позапрошлом году, когда у Кузьмы с Марией было все хорошо, и тем не менее Кузьма не может отделаться от чувства, что одно с другим связано и ветер дует не зря".

"Валентин Распутин всем, что написал, убеждает нас, что в человеке есть свет и погасить его трудно, какие б ни случились обстоятельства, хотя и можно. Он не разделяет мрачного взгляда на человека, на изначальную, неустранимую "порочность" его природы. В героях Распутина и в нем самом есть поэтическое чувство жизни, противостоящее низменному, натуралистическому ее восприятию и изображению".

Художественное мастерство писателя

Сила книг Валентина Распутина не в остроте сюжетов, не в их занимательности, а в ярких запоминающихся образах. Персонажи его книг не занимают высоких постов, не претендуют на истину в последней инстанции. Но когда дочитываешь, например, повесть «Последний срок» до конца, возникает догадка: в старушке с грубоватой, далекой от литературного языка речью, кроется смысл бытия. Восьмидесятилетняя Анна прожила на белом свете, всякое видела на своем веку.

Без всякой болезни старуха лежала на узкой железной кровати возле русской печки и дожидалась смерти, время для которой вроде пришло. Писатель емко поведал читателю об умирающей старушке на двух-трех страницах.

Предстоящая смерть – это только художественный прием, так как главная задача автора – проследить «характеры» ее детей, приехавших проститься с матерью. Варвару, Люсю, Илью вызвал к умирающей матери младший брат Михаил. Приехали она на похороны, а матери перед смертью вдруг полегчало: открыла глаза, присела на кровати да еще до порога прошла с Надеждой. Не ожидали приехавшие на похороны дети такой «прыти» от родительницы. Куда делись все их родственные отношения! То..... ли в обиде на мать за то, что «выздоровела», то ли из-за злобы к младшему брату за то, что «с места снял», только стали они торопливо собираться к отъезду: «Старуха заплакала, поворачивая лицо то к Люсе, то к Илье, повторяла:

- Помру я, помру. От увидите. Седни же. Погодите чутельку, погодите. Мне ниче боле не надо. Люся! И ты, Илья! Погодите. Я говорю вам, что помру, и помру».

Ночью женщина умерла. Но детей в этом момент с ней рядом уже не было. Они не поверили матери и уехали раньше «последнего срока». Слишком черствыми и эгоистичными оказались их души. Последние часы перед смертью провела она с Михаилом, пьяницей и недалеким человеком, по мнению приехавших сестер и братьев. Михаил единственный просил прощения у постели умирающей матери и за себя, а может быть, и за своих сестер и брата, хотя меньше всего был повинен перед женщиной. По

большому счету, «младшенький» ни перед кем не был виноват. «Лежи, мать, лежи и ни о чем не думай. Не сердись на меня сильно, дурак я,» - говорил он.

Ошибся Михаил, должно быть, в одном. В том, что распинался перед родственниками, как перед людьми. Они же, не встречавшиеся друг с другом многие годы, давно не были таковыми. Приехали они к матери только для похорон, чтобы совесть их не мучила. О любви к матери здесь и речи не могло быть. Да и совести, как оказалось, у них давно не было.

Большой трагедии в «Последнем сроке» нет, если не считать омертвевшие души, а вот в повести «Живи и помни» разыгрывается настоящая житейская трагедия. Здесь погибает совсем молодая женщина, будущая мать Настена. Умирает она не по какой-либо .....

случайности, а по соображениям совести и чести. Логичнее было бы ожидать такого поступка от ее мужа, дезертира Андрея Гуськова, однако сама жизнь нередко развивается нелогическим образом.

После лечения в госпитале пробирается Андрей в свою деревню Атамановку, расположенную на берегу Ангары. Он хотел побывать в родном доме, а потом вернуться на фронт. Тем более, по всем данным предвиделся конец войне. Затем трусость преодолела здравый смысл. Он стал все больше и больше убеждаться в том, что если вернется на передовую, то непременно погибнет.

А жить хотелось...

Потому-то и прячется Гуськов, как дикий зверь от охотников, в тайге. Размышления о храбрости и рассуждения о презрении к смерти нужны были только для успокоения нервов, как это часто бывает у слабовольных людей.

В.Распутин на высоком художественном уровне провел «разоблачение» этой несостоявшейся личности. И не любовь к жене и к будущему ребенку, а страх заставлял его прятаться в тайге от людей. Трусость настолько сильно овладела этим бывшим фронтовиком, что даже гибель жены не пробудила в нем чувства раскаяния или самоосуждения.

На четвертый день прибило утопленницу к берегу. Мишка-батрак «доставил Настену обратно в лодке, а, доставив, по-хозяйски вознамерился похоронить ее на кладбище утопленников. Бабы не дали. И предали Настену земле среди своих, только чуть с краешку, у покосившейся изгороди».

Как много значит этот «глас народа». Справедливо решение сельчан: похоронить на

«своём» кладбище. Бабы увидели в поступке женщины нечто большее, чем добровольный уход из жизни.....

Андрей остается жить. «Живи и помни», - предупреждает его автор. Какая уж там жизнь! Если даже и скроется благополучно Гуськов, все равно это уже не жизнь. Всегда над ним будет висеть страшное слово «помни»!

Эта повесть, как никакое другое произведение, представляет собой путешествие вглубь человеческой души, раскрытие внутренней трагедии личности. Все произведения В.Распутина очень эмоциональны и интересны, поэтому они производят на меня сильное впечатление.

Использованная литература:

1. Валентин Распутин «Повести».-М.: Молодая гвардия, 1976.
2. Соч.: Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Котенко.- М.: Худ.лит., 1990
3. Тендитник Н. С. Валентин Распутин: Очерк жизни и творчества. -Иркутск, 1987.